18+

Сергей Ерёмин

Районные хроники

сборник рассказов

Сергей Викторович Ерёмин

Районные хроники. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43313071
ISBN 9785005013811

Аннотация

Эти пятнадцать рассказов продолжают «сельский» цикл, начатый в «Деревенских миниатюрах». Автор вспоминает эпизоды своей жизни в деревне с её окрестностями и рассуждает о житье-бытье русского крестьянства конца XX века на конкретных примерах. Повествование ведётся от лица очевидца, те есть от моего собственного.

Содержание

Базарный день	5
Борьба за урожай	17
За хлебом	29
Зимовка	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Районные хроники
Сборник рассказов
Сергей Викторович Ерёмин

© Сергей Викторович Ерёмин, 2019
ISBN 978-5-0050-1381-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Базарный день

Хорошо в деревне летом! А предприимчивым колхозникам, тем более хорошо. Наши крестьяне в душе все собственники и единоличники, несмотря на усилия родного правительства. Система взаимоотношений с родным государством была налажена таким образом, что без собственного приусадебного хозяйства прожить было невозможно. И не смотрите, что в магазинах можно было отовариться за копейки – платили-то тоже ерунду. Поэтому воровали все…

Поскольку за твою пахоту в поле или на ферме денег почти не платили, то не оставалось ничего другого, как крутиться в другой области. Причём, эту возможность имели, только пенсионеры, которые остались живы после всех ранений в битве за урожай и сохранили способность самостоятельно двигаться. Люди среднего возраста, какими бы инициативными и предприимчивыми они ни были, такой полезной опции личного землевладения были почти лишены. Труд в колхозе всеохватывающ и тяжек. На своё хозяйство сил уже не оставалось, как и при нормальном барине двести лет назад…

Колхозник, как человек от рождения имевший поражение в гражданских правах, обладал не очень богатым выбором для реализации своих поползновений в области обогащения. Даже, если ты получил паспорт, то у тебя было толь-

ко два выхода. Или ты воровским образом с выкручиванием рук всяческими способами родному председателю убегаешь в город и пытаешься обустроиться там, или переключаешься на торговлю всем тем, что смог получить со своего колхозного надела. И не во все периоды советской власти такое устремление приветствовалось, мягко говоря. А зимой приходилось откровенно сосать лапу. Чем южнее располагалась твоя деревня, тем длиннее период сбора урожая и короче зима. Но и на северах были свои «плюсы» в виде дорогостоящих в других частях страны даров леса.

Наша деревня застряла в промежуточном положении, где чернозёмы только начинались, а пушнина с морошкой давно закончились. А зимы остались длинными… Короче, прожить охотой и собирательством не получится. Повторяю, надо крутиться.

Каким образом может крутиться советский пенсионер колхозного значения, чтобы прокормить себя и подопечную ему живность? Пенсию можно смело полностью откладывать на «гробовые», поскольку именно к этому сроку набежит более или менее приличная сумма. Воровать с полей и фермы в прежних объёмах уже не получается, ну, и совесть на старости лет не позволяет. Не стоит сбрасывать со счетов детей и внуков, которые тоже не прочь отхватить кусочек…

Корова, например, на одной траве долго не протянет. А если имеются куры, свиньи и прочие индюшки, то отчётливо понимаешь, что одного божьего благословения и отличной

экологии будет маловато. Для полного комплекта не хватает какой-нибудь провизии, одёжки, опять же… Лапти давно вышли из моды и не в каждый автобус в них пустят. На помощь приходит, тот единственный, никогда не обесценивающийся актив, которым родимый колхоз наделил каждого своего члена. Земельный надел с посаженным на нём плодоносящим садом и приличным, тучным огородом! Особого внимания заслуживают те полезные насаждения, плоды которых можно выгодно монетизировать на рынке. В нашем случае, на конкретном рынке конкретного районного центра.

Каждая деревня славится или своими яблоками, или сливами, или вишней… Некоторые делают упор на овощи, ту же тыкву с помидорами… Есть эстетствующие районы с преобладанием ягодных культур. Короче, где, что выросло и прижилось… В нашей деревне очень неплохо получались яблоки и вишня со сливой. Не каждый год, но через год обязательно, урожаи удавались такие обильные, что от них просто не было спаса! Тот самый случай, когда яблоку негде было упасть! Сплошной ковёр из яблок покрывал землю в садах. Заготовители и прочие перекупщики не успевали вывозить излишки, а местные хулиганы, по ночам обчищавшие соседские сады, откровенно брезговали такой поживой. Уже просто-напросто пережрали этих яблок! Можно, конечно, бражку заквашивать…

Люди сами относили друг другу бесчисленные вёдра и под

душеспасительные разговоры вываливали их хозяевам в ноги, чтобы те не смогли отказаться… А на следующий день происходил обратный визит с сортом, в котором тонули соседи. И так всё лето. Даже коровы уже не могли жрать эти яблоки, свиньи воротили от них свои рыла. Одним словом – на деревню обрушилась беда, с которой непонятно, каким образом можно справиться! Для одних народов большой урожай – всегда повод радоваться, устраивать национальные праздники. Для русских людей, волею судеб получивших непонятную пояснительную приставку «советские», большой урожай неожиданно становится праздником со слезами на глазах. Как пристрастились в семнадцатом году лебеду парить и уписывать на пустой желудок, так и отвыкнуть не можем! Разучились вдруг наши люди грамотно пользоваться излишками своего труда! Окончательно погрузились в аскетизм, где с пустотой проще ужиться, чем с изобилием. Что за напасть, что за проклятие?!

Коварство яблочного изобилия для каждого конкретного колхозника заключается в его трудной реализации по назначению. Действительно, когда деревья в саду плодоносят с повышенной продуктивностью, то каждая отдельно взятая бабушка встаёт перед выбором. Либо ты забираешь себе привычную долю на варенье и брагу, а всё остальное гноишь. Либо ты пытаешься воспользоваться моментом и обогатиться. Ну, обогатиться относительно – надел имеет конечные размеры, и яблони тоже поддаются подсчёту… Хорошо за-

работать, так скажем.

Теперь о коварстве яблочного изобилия… Самый простой вариант перевода яблок в деньги – сдача урожая перекупщикам за бесценок. Большинство колхозников (реалисты и немощные) именно так и поступает. Жаба душит, но делать нечего – всё равно пропадёт. Другие (самые принципиальные или жадные) выбирают трудный и тернистый путь частного предпринимательства, усугублённый советскими реалиями. Яблоки – товар недорогой и нужно запастись немалым терпением, чтобы его сбыть на рынке за достойные деньги. Сколько может увезти одна бабушка, даже такая закалённая и упёртая, как наша колхозница? Максимум – мешок! А если у тебя таких мешков – сотня!? Последнее здоровье потеряешь с таким бизнесом… И даже кооперация с такими же соседками-торговками не сильно спасает. Районный центр, где можно получить лучшую цену, далеко, а яблок столько, что они гниют быстрее, чем ты их реализуешь. Короче, хлопотный и низко – продуктивный вариант. Один «плюс» для хозяйки уход за яблонями – минимальный. Наши яблоки не требуют за собой никакого дополнительного ухода – сами растут!

Сложив для себя все «плюсы» и «минусы», каждый решает, как ему выгоднее провести своё время: или проторчать весь день (много дней) на базаре, наплевав на домашнюю живность и оторвав последние руки с ногами, или скинуть этот хлопотный урожай перекупщикам или государ-

ственным заготовителям. Допустим и третий вариант – выставить ведро на дорогу. Наверное, он самый практичный – можно много успеть по хозяйству, но на большие барыши лучше не рассчитывать… И запастись «лишними» вёдрами не помешает…

Поэтому в нашей деревне эти яблоки всегда считали сопутствующим товаром, некоей разновидностью полезного сорняка. Хорошо, что он имеется, но почему его всегда так много?! Никто над яблонями особо не дрожал – растут себе и растут… Все силы и энергия были брошены на универсальный удовлетворитель потребностей колхозного крестьянства – картошку. Она отвечала всем запросам людей и скотины. Под эту культуру отводилась львиная доля посевных площадей личного надела. Картошка «тянула» за собой и другие огородные культуры для повседневного питания, вроде лука, свеклы и прочих огурцов с помидорами.

Обязательно нужно держать в голове, что половину года сад с огородом будут только требовать от хозяина и совсем не гарантировать отдачу. Климат у нас суровый, а политика советского правительства к деревне ещё суровее. И они колебались вне зависимости от прямолинейности курса партии на обеспечение неуклонного роста благосостояния граждан… Очень больно могли ударить под дых колхозника в самый неожиданный момент. Это, что относится к базису… Дальше начинается надстройка, которая в просторечье и называется «кручением», борьбой простого крестьянина за вы-

живание.

В саду каждого уважающего себя колхозника, осознающего, что собственное спасение находится в его же руках, должны иметься культуры, которые обладали бы значительным финансовым потенциалом. Те замечательные дары природы, с одной стороны, не требующие значительных капитальных вливаний и с минимальной заботой со стороны пенсионера, но, с другой, гарантирующие ему стабильный доход. С возможностью отложить «жирок» на зиму. В нашей деревне такими чудесными культурами были вишня и слива с примкнувшей к ним клубникой. Нам были доступны не только «одомашненная» разновидность, но и дикорастущая за огородом в лугах.

Но клубника при всей её ликвидности на рынке обладала и неприятной особенностью – слишком требовательна в «обслуживании». Кроме того, плодоносила считанные недели… Впрочем, и за месяц можно было сколотить неплохой капиталец, не отходя от дома. Вынес на дорогу и стриги купоны. В райцентр всё равно клубнику не повезёшь – больше передавишь… Но, повторяю, для серьёзных денег нужны серьёзные плантации, которые пенсионеру обойдутся фатально для здоровья. И никакие пышные похороны с дубовым гробом и тучей венков от родственников его не компенсируют.

Отбросим в сторону отвлекающие факторы и сосредоточимся на истинных «кормильцах», гарантах перезимовки – на вишне и сливе. В нашем саду и его окрестностях непри-

хотливые деревья плодоносили каждый год. Не обязательно вместе, чаще межевались… Один год – обильная слива, следующий – вишня удалась. Если плодоношение накладывалось, то наступала жаркая пора! Катались на базар, словно, челноки в «перестройку» за шмотками в Турцию – туда-сюда, туда-сюда… Были недели, когда и два раза в день отвозили! К сентябрю голова начинала кружиться! Но оно того стоило…

Товарооборот, конечно, сильно страдал от отсутствия рабочих рук. Много ли накатаются пенсионерка с учеником младших классов на районный базар? И хозяйство без присмотра надолго не оставишь… Такая истерия начиналась со всеми этими вареньями и компотами! Народ на базаре с руками отрывал любой объём – ведро, два ведра… Зрелость и подавленность плодов интересовало далеко не в первую очередь! Для продавца – золотое время! Вишня, конечно, ценилась выше, но и сливу брали неплохо. Никакой восточной торговли и сбивания цены! Слива есть? Забираю! И такой конвейер запускается месяца на два!

Сегодня ради таких денег никто бы и шевелиться не стал, а мы в те брежневские годы крутились с остервенением и не смотрели на сбитые ноги и не поднимающиеся руки. Действительно, самая настоящая «вишнёво – сливовая лихорадка», без натяжки – погоня за «золотым тельцом»… Для меня, городского ребёнка, такая суматоха была увлекательной игрой. Надо собрать три ведра сливы? Не вопрос – пол-

заешь под деревьями по траве и собираешь… Один час, два часа, три часа – столько, сколько нужно. И чувствуешь одну радость с азартом. А потом, с этими вёдрами катишься на базар ещё на неопределённое число часов… Надо обернуться одним днём – нельзя допустить, чтобы собранные плоды кисли на крыльце всю ночь! Туда-сюда, туда-сюда… И никакой усталости!

По мере взросления, к приятной денежной составляющей постепенно прибавилась и ещё одна – алкогольная. Неплохая бражка получалась из забракованной сливы! А из бражки – ещё более неплохая самогонка! Хотя самогоноварение и является одним из столпов современной русской деревни, на котором и держится её основная смысловая нагрузка. Без принятия и осмысления самогоноварения, как связующего звена между подавляющим числом процессов, протекающих в деревне, они становятся непонятными, глупыми и нелогичными.

Самогонка не только открывает портал между вселенными в исследовательских целях каждого отдельного потребителя в минуты просветления, но и служит банальным средством общения в обыденной жизни, делает нашу провинцию такой несокрушимой, а нашего человека – непредсказуемым для врага и, следовательно, непобедимым. Самогонка с полным на то основанием может смело претендовать на заметное место в таком непонятном феномене, как придуманная иностранцами чепуха, вроде «широкой русской души». Ни-

кто толком не может объяснить, что конкретно вкладывается в эти слова, но тумана таинственности нагоняется столько, что наивные простаки начинают думать о реальном содержимом этой растиражированной фразы. Завистливые иностранцы много веков назад придумали себе оправдание собственной неспособности смириться с могуществом и превосходством нашего характера над своим, вот и заменили это признание ничего не значащей фразой. Но лирика лирикой, но наша самогонка носит характер строго утилитарный и не нужно её притягивать туда, где для неё нет места или она обязательно помешает и введёт в заблуждение.

Самогонка в деревне присутствовала всегда и подразумевается при любом удобном случае. Но любая попытка выставить самогонку в открытую продажу на базаре, моментально приведёт этого смельчака на скамью подсудимых, а продукт его труда будет безжалостно уничтожен в желудках конфисковавших его милиционеров, а также их родственников. Не буду воспевать этих пиявок в мундирах мышиного цвета, безжалостно сосавших кровь и самогон простого советского крестьянина, решившего реализовать излишки своего сада способом, которому сотни лет.

Не будем забывать также, что самогонка, кроме своего прямого назначения, использовалась, как альтернативное платёжное средство. Долгое время в деревнях только её люди и применяли при расчёте за услуги. Денег всё равно нет, а пол-литра самогонки, как всем хорошо известно, гораздо

интереснее, чем её рублёвый эквивалент. Зачем собирать купюры, которые надо ещё подумать, куда можно потратить, если тебе в качестве оплаты за твой труд дают уже готовый ответ. Очень удобно… Не без последствий, но очень практичный вариант.

Понятно, что торговля на базаре – самая настоящая профессия. Чтобы этим заниматься, нужно иметь призвание и специфический менталитет. Никто в нашей деревне ни тяги, ни призвания к торговле не имел… И повальное «увлечение», которым были вынуждены заниматься все от мала до велика, было вызвано исключительно тотальной нуждой. Никакого презрения к прирождённым торгашам у меня не было, но я видел, с какой душевной ломкой народ был вынужден заставлять себя встать в один с ними ряд за прилавок. И с каким облегчением мы и наши соседи возвращались с этого базара. Заработанные деньги честным трудом, конечно, грели душу и карман, но осадок накапливался такой толщины, что его приходилось разгребать лопатой. В образовавшейся песочнице могли спокойно играть несколько маленьких детей…

И только за зиму всё это мучительное унижение (ну, не привыкли мы выставлять напоказ самих себя) немного затухает до нового урожая… Который, не будем забывать, никем не гарантирован! И если повезёт с погодой, то на новый круг… Опять корова просит, снова куры кудахчут, свинья хрюкает в хлеву… Опять же, запасы «живой воды» необхо-

димо пополнить. И не надо думать, что это зимой от нечего делать хозяева непозволительно много квасят с утра до ночи. Вроде, как вся живность под одной крышей, страда в поле завершилась, все дороги замело сугробами, что ещё остаётся делать? Зимой свои расходы и бухло течёт по совсем другим трубам. Вы будете смеяться, но условная свинья, которая в хлеву, тоже нуждается в спиртном! Конечно, не в человеческом понимании – строго в ветеринарных целях. Разные бывают случаи, иногда выходящие из ряда вон… Но это уже совсем другая история, до написания которой ещё нужно дорасти…

Борьба за урожай

В своём далёком детстве я застал такое удивительное и увлекательное для постороннего, чаще всего городского, обывателя явление, как бескомпромиссная и самозабвенная битва организованного колхозного крестьянства за урожай. Захватывающее, надо признать, было зрелище! Настолько одухотворённое и пламенное, что временами казалось, наши труженики села ведут отчаянную борьбу не «за», а «с» урожаем. Причём, пленных в этой беспощадной мясорубке не брали, а раненых безжалостно добивали предметами, первыми попавшимися под руку. До последнего вздоха мутузили друг друга советский человек и урожай, как начнут по весне этот изнурительный процесс, так до самой глубокой осени спуску не дают ни себе, ни случайным свидетелям…

Уступать никто не хотел. Однако по законам диалектического материализма, победителем должен быть кто-то один… А силы примерно одинаковые… Так, что триумфатора в этом бое гладиаторов предугадать было совершенно невозможно. Настойчивость советского человека известна, а помноженная на указание из райкома, вообще, несокрушимая вещь! Но и природа наша славится своим изворотливым непостоянством. Можно сказать одно – достойные соперники по эпическому противостоянию. Сегодня с таким феноменом уже не столкнёшься… По ходу движения участ-

ников по дистанции чаша победных весов колебалась, маятник истории раскачивался с переменной амплитудой, истерия и припадки всех вовлечённых сторон зашкаливали… Всё так перепуталось, перемешалось…

Мне, как малолетнему свидетелю, не обременённому обязательствами перед партией и правительством, понятное дело, «крышу» не сносило и не усугублялись вредные привычки, в отличие от большинства участников со стороны человечества. Кроме всего прочего, меня не могли никак, и заинтересовать всевозможные надзирающие органы… Было просто интересно смотреть за перипетиями разворачивающегося перед моими глазами сражения титанов, в качестве невольного, но восхищённого наблюдателя. Исключительно со стороны и в добровольном порядке… Возможно, поэтому и впечатления остались такие восторженные от беспримерного для мирного времени напряжения человеческих сил. Изредка и кратковременно я подключался к борьбе, но, по большей части, в качестве игры и приятного времяпрепровождения с хорошим выплеском адреналина в кровь.

Само определение сельскохозяйственных работ, как некая битва или борьба, в русском обиходе появилось только после большевистской революции. И до неё жизнь на селе была не сахар, но только после выстрелов с «Авроры» из деревни сводки об урожае стали напоминать фронтовые. Словно, идёт перечисление освобождённых населённых пунктов от ненавистного и страшного врага. Кубань даёт сводку о ре-

кордном урожае! Воронежская область берёт новую высоту! Чита будет с хлебом, закрома ломятся от зерна! Ура, товарищи! Не остановимся на достигнутой вершине – прыгнем сразу в космическую высь! Троекратное ура!

Кстати, «рядовые» этой нескончаемой войны о своих «подвигах» говорили другие слова… Их долго не подбирали и не шлифовали до зеркального блеска. И слова эти не слишком приветствовались на страницах газет и журналов всех уровней. И предложения из них получались короче… Не вписывались они в контекст официальных бравурных тирад, но выразительность и смысловую нагрузку от этого не теряли… Впрочем, все газеты, без разделения на центральные и местные, комбайнёры с трактористами в полях использовали по назначению, не предусмотренному главной редакцией.

С некоторым сомнением, но я позволяю себе чуть-чуть ёрничать по поводу посевной и примкнувшей к ней страды, поскольку с рождения видел, как работают в поле люди и сколько, на самом деле, стоит хлеб с картошкой. И если говорю о «борьбе» и «битве» с некоторым сарказмом и гротеском, то только от большущего уважения к крестьянам, несмотря на то, что в это время они были колхозниками. По сути, теми же крепостными… Не из-за глумления над собственной памятью и совестью, а в качестве смеха сквозь слёзы. Сам я не пахал от рассвета до заката, но крепко прочувствовал, как это делается. Не каждый по достоинству

и со знанием всех нюансов оценит красоту работы одинокого комбайна, шурующего пшеницу, в глубине ночного поля под свет своих прожекторов. Хотя я и не знал всех нюансов, но многократно оценивал… Почему он один? Как могли оставить товарищи такого героя один на один с непобедимым урожаем? Как так получилось? Иногда, специально ходили с пацанами ночью в поле смотреть и слушать раскаты приближающегося «боя».

Трудно реинкарнировать в сегодняшний день свои впечатления из Советского Союза. Тем более, из его самой консервативной составляющей, из колхозной деревни. Как передать привкус того времени? Что ни скажешь, всё будет выглядеть неправдой, глупой выдумкой, вольным изложением полузабытой темы… Каким образом выразить свою нежную любовь тем дням и ночам, тому картофельному бурту, например, или элеватору с зерном, чтобы не предстать неудержимым фантазёром? Время-то было совсем не для нежной любви… Битва, как-никак в самом разгаре, у баб в руках вилы острые, а у мужиков – косы наточенные…

Обычное хронологическое описание своего первого «боевого» дня в этой битве будет выглядеть записью из неупорядоченного дневника душевнобольного путешественника во времени по выдуманному им миру. Миру, совершенно серому и безрадостному, где самая мелкая, но «незапротоколированная» мелочь способна вызвать бурный восторг. И это притом, что советский колхозник рождён не для вы-

ражения бурных восторгов и не для глупого витания в облаках, а для строго выполнения директив и постановлений. Но я колхозником не был и мог себе позволить некоторые вольности.

Получалось хреново… Оказавшись в регламентированном коллективе, нацеленном на выполнение конкретной задачи, волей-неволей подчиняешься его биоритму и забываешь о своей виртуальной независимости от колхозных правил. Очень быстро ты замечаешь, что стал самым настоящим «сыном колхоза». Эта колхозная бодяга с «трудом на свежем воздухе» реально засасывает! Не успеешь вовремя соскочить – всё лето будешь по полям на карачках ползать! И не надо думать, что добрый дядя бригадир тебя остановит и прогонит домой…

Первое моё появление в составе ударной бригады сборщиц картошки на колхозном поле было связано с тем, что не с кем было оставить дома. Пришлось провести весь световой день в поле по уши в грязюке. А земля у нас жирная – не отмывается… Целый день бабы колупались, проходя поле после того, как его прошёл комбайн. Я не знаю, сколько зацепил он своими пластмассовыми когтями, но мы к вечеру насобирали целую машину. А работа только началась! Раз – надо, значит – надо. В колхозе спрашивать не принято… Дано задание – оно выполняется… Придумают же машину! Она не только бензин жрёт в три горла, но и требует за собой отдельного и тщательного контроля. Половину са-

ма соберёт вальяжно, а вторую, самую трудно-выковыриваемую, предоставит человеку. Он не такой капризный и нежный. Короче, всё шиворот-навыворот получается – машина снимает сметану, а человеку остаются свинячьи помои… Нормальная колхозная практика.

Насобирали, значит, машину по самые борта в россыпь тонны две. В мешки собирать на земле и в таком виде забрасывать в кузов запрещено законом – тяжело для женщин. Конечно же, из всей механизации при этой процедуре был только этот бортовой ГАЗик, а из мужиков – только водитель этого ГАЗика. Поэтому вёдрами сыпали. Сорт картошки специально выведен для колхозов, селекционеры постарались, один сплошной «горох» вперемешку со «сливами». Что характерно, и комбайн собрал не намного крупнее. Всё было предусмотрено в этой удивительной технологии… Цена в магазине – копеечная, а труд человека – почти бесплатный. Гонять технику в качестве помощи колхозницам выходило дороже. И никто особо не возражал и не выдвигал рационализаторских идей… Привыкли к этой кривизне за десятки лет. Вроде, есть трактор на селе, а правильно его применить в деле не научились… Может быть, стесняемся? Нам удобнее самим себе последние жилы рвать…

Вечером повезли на хранение – длинные кучи под открытым небом. Лето было в этом году сухое – повезло… Едет машина вдоль этой кучи по колдобинам и выбоинам, а бабы из кузова деревянными лопатами ссыпают. У советских учё-

ных было мнение, что такой способ хранения допустим… Гнилой запах в этом царстве печали стоял настолько густой, что я, например, усомнился в этом. В свои шесть лет. Говорю же, почти бесплатный продукт – на фиг о нём заботиться, тем более, если денег за это не платят!? Дешевле сгноить в этих буртах, чем навес сделать, площадку нормально разровнять… На месте, у такого бурта, всегда подкорректируют высоколобых товарищей из лабораторий. И хрен потом с кого спросишь!

Совсем смешно получилось с моей попыткой приобщиться к профессии комбайнёра! Давно мечтал прокатиться на комбайне. Смотрел издали, облизывался… Один раз не выдержал и напросился в помощники к одному соседу – механизатору, который в этот год сидел на комбайне «Нива» и принимал самое активное участие в «битве». Его штатный помощник приболел, и я пришёлся ко двору. Денег не платили, а мне и не нужно – просто, ради спортивного интереса. В обязанности помощника комбайнёра входило стоять у кабинки водителя и контролировать правильную работу внешних механизмов. Ну, время от времени бегать вокруг машины и осматривать, например, жатку или формирователь соломенных брикетов.

Меня хватило ровно на два часа таких «покатушек»! Я бежал по полю, не оглядываясь, от этого чёртового комбайна и молча, радовался, что легко отделался! Не представляю, как ад выглядит на самом деле, но для меня он теперь – днев-

ная смена на комбайне! Неподготовленный человек может и умереть от полученных впечатлений! И стоградусная жара в кабине (слово «кондиционер» никто не слышал) – не самое сильное из них. Понятно, что при тепловом ударе ты, как правило, падаешь в жатку, а потом по транспортёру оказываешься в бункере вместе с обмолоченным зерном, но эта смерть быстрая. Второй вариант быстрой смерти оказаться не с зерном, а с соломой, но тоже в разобранном состоянии.

А есть ещё смерть медленная и совсем мучительная от самозачёсывания! Как и всякий «чайник», из-за невыносимой жарищи я очень быстро скинул рубашонку. За что и поплатился… Через час нахождения на вахте ты понимаешь, что тебя обернули в «стекловату» из мельчайших соломенных пылинок, острых, как иголки. Если вовремя не очнуться, то никакое отмокание в пруду тебе уже может и не понадобиться. Я очнулся вовремя и в панике бросился наутёк в сторону речки. Успел… После этого позора я смотрел на комбайны только издали и только из-за укрытия. Героические ребята сидели за штурвалами этих красных аппаратов.

Оглядываясь назад, я понимаю, что попробовал большинство видов и родов занятий, которыми занимались настоящие колхозники. На некоторые моего здоровья хватило часа на два, а другие могли затянуть надолго… Например, сенокос. Колхозное стадо коров в те годы было крупным и требовало много сена. Это был тот вид работ, который мог стать серьёзным подспорьем и в частном хозяйстве колхозника,

принимающего активное участие в общественном сенокосе. Можно было рассчитывать, что и твоей, личной, корове тоже перепадёт небольшая толика колхозного сенца. Достаточный куш, чтобы подрядиться на участие в массовом покосе.

Все нормальные поля засеяны пшеницей или кукурузой, а на рядовую траву выделялись самые труднодоступные участки, куда не всякий трактор доберётся. Для таких целей формировались сборные разнополые бригады, которые и окучивали их за половину укоса. Участки эти находились далеко от деревни, где-нибудь в оврагах, на лесных опушках, на выселках… Для ребёнка такие вылазки могли представлять интерес. Особенно, для городского… Да ещё и в незнакомых местах, вдалеке, где никогда не был и, вряд ли, побываешь…

То далёкое лето выдалось во всех отношениях нетипичным. Если не считать, что оно было последним в жизни дорогого Леонида Ильича, то, сверх того, в наших краях от жары плавился даже тот редкий асфальт, который немного, но присутствовал на местных дорогах. Птицы дохли на лету, а коровы так просто не хотели выползать из здания фермы, а, если их всё-таки выволакивали, то из речки выуживали только с наступлением вечерней прохлады. Люди тоже плавились и никуда не хотели выползать, но колхозная «труба» поднимет и мёртвого…

Самое страшное, что природа, как правило, не ограничивается одним видом катаклизма и у неё в запасе множество

«придумок». Например, град, пробивающий шифер крыш… Вместе с грозой, способной испугать не только суеверных бабушек. И так несколько раз подряд с интервалом в неделю. Народ уже начинал привыкать к такой «весёлой» жизни, что, согласитесь, не очень просто. А в открытом поле ещё и смертельно опасно.

За пасторальной картиной мирного сельского труда я наблюдал с крутого оврага. Сидел на берегу, а перед тобой раскинулось море травы, пересечённое змеями оврагов. Точки мужиков косили траву, точки баб ворошили и собирали ранее скошенную траву, точки подростков метали стога… Всё, как всегда и ничто не способно эту идиллию изменить, перевернуть, свести на нет и воспоминаний не оставить. Первое сомнение возникло, когда небо по всему видимому горизонту начало темнеть… И не просто темнеть, а самым натуральным образом чернеть. Ветерок, опять же, заметно посвежел… Косцы тоже заметили перемены в погоде, было видно, что среди них началось движение и перестроение. Работа прервалась, и началось броуновское движение, которое было во всех деталях обсуждено всеми присутствующими на «моей» высоте. Появились крупные точки лошадей, пасшихся в низинах оврагов… А потом, я и другие посмотрели без помощи телевизора «художественный фильм» о «гражданской войне»…

Лучше, чем старики, оказавшиеся рядом со мной на обрыве и тоже наблюдавшие за событиями на поле, и не скажешь,

о том, что все мы увидели. «Сначала пошла пехота, а за ней – кавалерия». Бабы снялись со своих мест раньше и широкой цепью с вилами в руках побежали в сторону деревни, то есть прямо на нас. Минут через двадцать за ними на конях, лавой, припустили мужики, блестя своими косами в солнечных лучах. Очень правдоподобно выглядело… Словно, они шашками размахивали в лихой казачьей атаке. А за ними во всю небесную ширь выползала небывалая иссиня – чёрная туча с завитушками зигзагов белых молний, которые прочерчивали её необозримое тело в произвольных направлениях. Пока она была далеко… Дальние раскаты грома давали надежду беглецам, что они достигнут своих убежищ до прихода ливня. То, что ливень будет – сомневаться не приходилось.

Очень выразительно всё это выглядело! И я на своём берегу почувствовал себя белогвардейцем каким-то в окопе. Однако каким бы завораживающим не был «фильм», но и «зрителям» самим нужно было позаботиться о собственной безопасности. Шутки закончились… На горизонте явно прорисовывалась самая настоящая проблема. Такая туча может долго идти, но придёт всегда неожиданно. Оглянуться не успеешь, как окажешься в самом настоящем водном потоке! До дома путь неблизкий и не по всем тропинкам после дождя можно будет спокойно проехать… А намечается не совсем обычный дождик… Молнии тоже нельзя игнорировать…

И ливень пришёл… Пришёл на три долгих дня и уходил

с явной неохотой. Град был знатный, много бед принёс… Не все крыши остались целыми, урожай будущий пропал почти весь. Чудо, что обошлось без жертв… Прохлада, правда, вернулась на землю…

За хлебом

В деревне отношение к хлебу всегда было особое. И к вполне понятному рационализму в этом гастрономическом вопросе всегда густо примешивался скрытый сверхъестественный подтекст. Ещё с языческих времён… Хлеб всегда у нас наделяли свойствами, нехарактерными для простого пищевого продукта. Всегда выводили его за эти рамки. И каждый новый век только подбрасывал причины считать хлеб мерилом всего, что только мог измерить человек в своей жизни. Наличие хлеба всегда повышало статус, общественную значимость, его обладателя.

В России хлеб – величина постоянная и его значение непреходяще. Почти, как водка, но только хлеб более одухотворён и универсален. Постоянные перебои со снабжением при коммунистах или неурожаем при царях наложили свой отпечаток. Хлеб в русской деревне всегда был показателем достатка и благополучия. И недаром, он всегда был синонимом и олицетворением не только еды вообще, но и самой жизни. Со стародавних времён по нему судили, каков хозяин, что он за человек. Но это было так давно, что и вспоминать уже нечего… Отдельные проблески мерцают и постепенно затухают. Современная молодёжь и не понимает уже, что такое понятие «хлеб». Для них он всего лишь товар из магазина…

Свой домашний хлеб у нас в деревне перестали печь ещё до Брежнева, поэтому в моё время большинство хозяек забыло, как это делается и сосредоточились на покупном. Зерна своего нет, настоящего хозяйства тоже нет по причине классовой зачистки крестьянства. Ничего нет, кроме старых привычек при отсутствии прямой нужды… А самодельный хлеб вкусный, душистый, совсем другой. Мне понравился… Всегда старался присутствовать, когда бабушка его пекла в печи… Толкла в ступе зерно деревянным пестом с меня ростом и примерно моего веса, просеивала его столетним решетом, которое я тогда обхватить не мог и далее по рецепту. Одна беда – начнёшь уписывать за обе щёки, а остановиться не можешь! Так и набиваешь себя, словно в мешок картошку сыпешь. Пока по рукам половником не дадут – не остановишься.

Вспоминаю я эту ступу… Удивительное приспособление, которое сохранилось в нашем доме ещё с революции. Пережила несколько переездов и выжила! Её берегли, как зеницу ока! Столько раз, по рассказам, выручала она в трудную годину. И гражданскую войну прошла, и НЭП, и коллективизацию… А, как она пригодилась во время войны! Брежнева пережила и куда-то пропала… Как не стало той, кто мог с этой ступой управиться, так и пропала… Вроде, стояла себе в углу, как и все последние годы, а хватились – и нет её! Поискали для порядка – бесполезно… Знатная была колдобина. Монумент! Подойдёшь к ней, бывало, положишь ру-

чонку на массивный почерневший корпус и сразу представляешь себе, что это штука когда-то была настоящей кормилицей крестьянской семьи. Не просто фольклорным элементом из преданий…

Хотя и используется она по назначению сегодня (во времена моего детства) по праздникам в порядке ностальгии, но вещь вполне функциональная, почти, как машина времени. Могучий дубовый пень с выдолбленной сердцевиной, отполированный до блеска от постоянного использования. Понимаю Бабу Ягу – на таком приспособлении, если взлетишь, то никакая зенитная ракета не собьёт! Несколько раз, пока бабушка не видит, пытался я в неё забраться, чуть-чуть не хватало, чтобы уместиться. Пыжился, корячился, но не влез… И совсем не ради баловства! Реально хотел проверить справедливость сказок… Может, Яга была поменьше меня ростом? Или я разжирел на этой деревенской сдобе со сметаной?

Что и говорить, к хлебу в деревне относились совсем по-другому, чем в городе… Знали настоящую цену этому неприметному серому брикетику… Столько всего надо предпринять, чтобы откусить ароматную горбушку! Пиетет перед этим продуктом немного поубавился, но совсем не пропал. Если раньше, перед тем, как каравай появлялся на столе, он проходил через хозяйские руки от брошенного в землю зёрнышка и до отрезанной краюхи, то теперь нужно было только сгонять в сельпо и купить. Цикл видоизменился

до неузнаваемости, но генетическая память к хлебу, как святыне сохранилась… С небольшими уточнениями и поправками на время.

Обратил внимание на интересную особенность советского крестьянина, которая непонятно, каким образом смогла не просто ужиться в отдельном человеке, а очень даже неплохо себя чувствовала и цвела пышным цветом. Казалось бы, человек всю жизнь живёт на земле, с рождения крутится в этом мире, но органично умеет совмещать генетическое преклонение перед хлебом на своём столе и наплевательское отношение к нему на колхозном поле или элеваторе. Удивительное равнодушие к судьбе колхозного урожая на всём его длинном пути!

Очевидно, что уважение к хлебу распространяется только к его «индивидуальной разновидности», когда один и тот же человек нянчится с ним на всём пути. Попробую выразить свои наблюдения простыми словами. Пока зерно общественное, перед ним можно не преклоняться… Но, как только человек занимается им «от и до», отношение меняется кардинально, мы наблюдаем появление этого языческого культа. Человек идёт рука об руку с хлебом весь календарный год и думает только о нём. Процесс муторный, но от него зависит твоя жизнь. Хлеб – всему голова!

Не получилось у колхоза заменить собой русскую общину. Нарушили большевики какие-то внутренние связи, и оттолкнул производителя (потребителя) от самых интересных

этапов. Хлебная линия в жизни крестьянина стала пунктиром и потеряла первоначальный смысл. Хлеб прочно потерял объединяющую функцию и столь же прочно приобрёл функцию обычного товара, причём, за реализацию которого на рынке, отвечают совсем другие люди, подключившиеся к хлебной цепочке на завершающем этапе. Подключились последними, причём, несколько искусственно и откровенно навязчиво, а весь барыш забрали себе. Ну, простой народ и расслабился… Хрен с ним с этим хлебом – в магазине купим! И неважно, сколько зерна доберётся с поля до мукомольного комбината, а с него до пекарни. Мы уже за это не отвечаем!

Будничная жизнь простого колхозника, так или иначе, вертелась вокруг хлеба. Вернее будет сказать, вокруг наличия хлеба в доме. Не только мыслящие обитатели деревенского хозяйства были заинтересованы в этом изделии, но и вся бессловесная скотина. И корова, и свинья, и птица разнообразная. Ежедневное меню у всей живности содержало внушительную добавку этого ингредиента. Это только так, кажется, что его можно чем-то заменить! В советской деревне средней полосы в эпоху тотального дефицита хлеб в рационе не мог потеснить даже универсальный заменитель всех времён и народов – картошка. Его поэтому и называли «второй хлеб», потому что на лавры «первого» он, при всей своей замечательности, претендовать не мог. Как не крути, а картошка, в первую очередь, гарнир. И только водка пре-

тендовала на некое особое, привилегированное к себе отношение, но, по известным причинам, стояла в сторонке. Даже не смотря на то, что всегда красовалась в самом центре стола. И почему так получается интересно в русской традиции – начинаешь говорить о хлебе, но обязательно, рано или поздно, зацепишь водку? Какая тут нерушимая причинно – следственная связь?

Летом, кроме всех прочих хозяйственных задач, в мои обязанности входила и такая ответственная статья, как снабжение хлебом. Что такое добыча хлеба в советской деревне времён перестройки и последующего за ней ускорения с галопирующей гласностью? Многотрудное и многоуровневое испытание! Самое настоящее боевое задание с реальной возможностью не только потерпеть неудачу в поисках, но и в прямом смысле физически и материально пострадать. Поскольку моим боевым «другом» во всех «хлебных» набегах был велосипед, а хлеба нужно было всегда брать не менее десяти буханок, то, как вы понимаете, вариантов моего фиаско было множество. Хлеба в деревенский магазин привозили мало, и он на полках лежал, от силы, минут сорок, нужно было шевелиться, искать ходы, просчитывать логистику… А конкуренция была нешуточная – трудовое крестьянство… Жили мы от магазина далеко и, с какой бы сверхсветовой скоростью слухи не разлетались, до нас они приходили, когда у магазина собирался приличный «хвост» из бабушек с тележками и мешками. Причём, половину привезённого това-

ра расхватывали прямо с лотков ещё в кузове! Продавщица едва успевала собирать медяки по пыльному асфальту перед магазином. Шум, гам, матерный кавардак! Слабые духом здесь не выживают… Таких втаптывают в грязь и по их трещащим костям прокладывают себе дорогу к заветной буханочке. Надо отдать должное местному хлебу – сегодня такой вкуснотищи не делают.

Наглостью и проворством такую «твердыню» взять на приступ не представлялось возможным. Разобьют рожу и выбросят с позорящими криками в придорожную крапиву. Даже трактористов, лезущих к прилавку за «Зубровкой», изгоняли с позором под палочными ударами. Где уж мне, робкому московскому школьнику… Одним словом, сплошная лотерея…

Однажды в результате одного такого похода за хлебом мне удалось совершить небольшое «кругосветное» путешествие. Ничего не предвещало такого развития события. Единственное, что в этот раз хлеб был нужен просто позарез. Так получилось, что весь имевшийся запас был напрочь сожран неизвестными серыми злоумышленниками, а полезная скотина осталась сосать лапу, грозя всех нас оставить без молока. Например, корова – очень капризное и непонятливое животное и любое нарушение в режиме питания способно спровоцировать нежелательные процессы в её здоровье. Вроде скотина скотиной, а нежное, как крем-брюле!

Поскольку хлеб привозился два раза в неделю, то обра-

тить в шутку эту потраву, чтобы корова и её соседи по хлеву радостно рассмеялись, было нельзя. Надо было идти и выбивать хлеб… Магазин только что открылся, и хлебовозка вот-вот должна была подъехать. Взял мешок, вывел велосипед, три раза перекрестился… Напутствовали меня духоподъёмными словами, чтобы без хлеба и не вздумал возвращаться. Знали, что не всякий поход в магазин бывает удачным. Пугали, но веры в меня не теряли, надеялись и ждали скорейшего возвращения с добычей… Довели меня до такого состояния, что я уже и сам не мог представить своего возвращения без хлеба! Озадачили до степени нервной дрожи, ну, я и закусил удила…

Со скоростью ураганного ветра я домчался до магазина, у которого, как и предполагалось, уже толпился гудящий недобрым гулом народ. К своему негодованию, как, впрочем, и для большинства собравшихся, среди толпы затесались и несколько особо предприимчивых представителей соседних деревень. Своих-то сельчан мы все знали, а эти деятели прибыли сюда с одной-единственной целью, которая не могла не возмутить столь благородное собрание. Они хотели нас фактически обворовать! Нагло купить и потом не менее нагло сожрать наш хлеб! Этого безобразия нельзя было допустить, ни при каких условиях! Поэтому над площадью в ожидании машины с хлебом и стоял гул. И, чем ближе невидимая машина приближалась (пятой точкой люди чётко отслеживали передвижение хлеба по карте нашего района!), тем

сильнее неявственный гул перерастал в откровенный призыв к расправе самым жутчайшим образом над присосавшимися к нашему общему телу мерзкими пиявками. «Пиявки» в образе двух старушек, одного паренька моего возраста и некоего мужика пенсионного возраста и алкогольной наружности, который «прислонился» к нашей толпе явно не за хлебом, были готовы к такому развитию событий. Не первый год живут!

Они консолидировались в построение типа «свинья» и стойко отражали нападки бушующих граждан, требующих их немедленного изъятия из числа соискателей вожделенных батонов и буханок. Без откровенного экстремизма, конечно… Если распалить наших колхозниц, то никакая «свинья» не поможет – разнесут по окружающим огородам на удобрение и глазом не поведут! Поэтому они оборонялись, повторяю, стойко, но с оглядкой на возможные последствия. Непонятно, сколько предстояло держать активную оборону, противостояние могло затянуться… Ещё неизвестно, доберётся ли до нашей «горячей точки» фургон с хлебом, но «медвежья шкура» предполагаемого товара уже была полностью разделена… Пришлые нахлебники совсем не вписывались в общую схему! Мало того, и без них нужно было энергично поработать локтями и кулаками, чтобы урвать пару – тройку чего-нибудь… Общими усилиями группа пришельцев была выдавлена на периферию площади и оказалась прямо передо мной! Теперь мне предстояло напрямую и в одиночку кон-

курировать с этим сплочённым коллективом за своё персональное место под Солнцем! Хорошее дело, блин! Я даже и не представляю, как это делается…

Тем временем, площадь, избавившись от инородного тела, приступила к реорганизации собственных рядов. Началось формирование очереди. Все забыли о «свинье» и обо мне, в придачу… Мы, как неудачники, которым явно ничего не достанется, тоже немного успокоились и расслабились. Мы могли рассчитывать только на крохи с барского стола и призрачную удачу, что приедут два фургона. И тут пришла машина с хлебом… Самым лучшим описанием того, что произошло в следующие минуты, будет фраза из «Интернационала». «Кто был ничем, тот станет всем…» Плохо, что в те минуты соответствующая мелодия не звучала над площадью… У-у-у-у-у… Как всё закрутилось и завертелось!

Судьба повернулась таким образом, что и я, и «свинья» оказались ближе всех к фургону, который остановился в ожидании разгрузки! Это была такая немыслимая удача, что мы даже растерялись. А беспечная площадь продолжала расслабленно колыхаться и даже не подозревала, на какую отчаянную наглость уже нацелились «неудачники», выдавленные на периферию… Для нас это был тот самый шанс, который выпадает единожды, и его упускать было нельзя – родные проклянут! Мы и не упустили… Как только продавщица вышла для приёмки товара и первый лоток оказался в зоне доступа, мы, не сговариваясь, сорвались со своих мест

с зажатыми в потных ладонях рублями. Швырнули в морду испуганной продавщицы свои деньги и быстренько расхватали весь лоток по своим мешкам! Всё!!! Акция успешно проведена и нужно было, как можно быстрее уносить ноги, чтобы одураченная и разъярённая толпа не разорвала тебя на куски. У меня был велосипед и урвал я только пять буханок… Брошенный мною рубль сдачи не требовал (прикиньте, я в этот момент думал о сдаче!) и я стремглав умчался по дороге в направлении следующего магазина. Да-а-а… Повезло…

Однако миссию нельзя было считать выполненной. Добыто только половина от требуемого количества. Значит, впереди меня ждёт следующий магазин. Он уже будет «чужим» и там я буду чужаком, противостоящим законными претендентам, но образовать «свинью» мне будет, скорее всего, не с кем. Ладно, буду действовать по ситуации… Пока что нужно до него добраться. Соседний магазин окучивал соседнюю деревню, и ехать до него было километра три со всеми прилагающимися собаками. Мешок с добычей тоже заметно снижал мою мобильность… Увидев меня с такой поклажей, посетители магазина не только не поймут меня, но без разговоров убьют, а содержимое мешка разделят между собой. Задачка не для слабонервных… Но адреналин удачно проведённой акции меня некоторое время согревал, и настроение было приподнятым. Над головой голубое небо, ровная дорога под колёсами, птички чудесные поют, Солнышко тёплое

светит… Замечательно!

Пока я добирался до своей цели, строил планы своих действий, прикидывал вместимость моего мешка, прошло время… Отшумела местная «вечевая площадь», поднятая пыль давно вернулась на своё прежнее место на асфальте… Как и следовало ожидать, хлеб разобрали примерно с той же скоростью, что и у нас. Ни минуты нельзя терять, а я приехал через час после начала «торгов»! На всякий случай зашёл с мешком в магазин – шаром покати! Даже залежалые калорийные булочки за три копейки расхватали. Как в насмешку, оставили мне три штуки… Довольствуясь малым, вернулся к велосипеду и стал размышлять. Ближайшая торговая точка располагалась километрах в пяти в стороне от дороги. Двигаться нужно было по грунтовке, но там шансов заполучить пару батонов было больше – народу меньше. Попробую скататься туда…

С грехом пополам добрался, но и тут облом… Половинка чёрного хлеба – невелика пожива… Сунул её в мешок и снова призадумался у выхода. Дело приближалось к вечеру, и я понимал, что отовариться хлебом уже не получится. Нужно закольцовывать маршрут… Оставался ларёк в почти лесной деревушке. Хлеба в нём точно нет, зато к дому ближе. Ещё прополз километров пять с мешком за плечом… Как и было обещано, хлеба нет вообще никакого… Надо возвращаться. Задачу я выполнил только наполовину… Перекантуемся, как-нибудь до следующего завоза…

Зимовка

Зима в деревне и лето в деревне – это не просто два разных сезона, два времени года, проведённых в отдельно взятом населённом пункте… Трудно вообразить себе, насколько они не похожи друг на друга! Как можно сравнить «весну» на Уране и «осень» на Меркурии? Правильно, никак! Из общих точек соприкосновения – только общая Солнечная система.

Сложность в восприятии новой реальности, в моём случае, усугублялось и тем, что я смотрел на всё со стороны пришлого, «каникулярного» человека, который привык считать деревню местом отдыха и развлечений. И обязательные работы, какими бы изнуряющими они ни были, прекрасно ложились на эту приятную «подушку», были в радость. Зимой ситуация изменилась принципиально, резко и безнадёжно… Я никогда не считал деревню своим домом в прямом смысле этого слова. Она прекрасно подходила мне в качестве изумительной смены привычного образа жизни и не более. Лето вне города – самое оно! Зимой в деревне нужно выживать по-настоящему, без скидок и экивоков. Нужно зимовать в том смысле, который вкладывают в это слово охотники в тайге, забредшие в поисках соболя в самую глушь на весь сезон. Ну, почти… В деревне в центре России меньше экстрима, но настраивать себя нужно именно на него. Кстати,

зимой ты и узнаешь, насколько правильно провёл лето и сумел ли всё подготовить, все ли припасы в должном объёме собрать в подполе… Не забыл ли ты про скотину, которой перезимовать ещё труднее, чем человеку, у которого всегда в запасе есть нож?

Для городского ребёнка такие житейские нюансы зимнего проживания были в новинку и накладывались неподъёмной горой каждый день. Летом ты о многом просто не думаешь. Одна вода, чего стоит! Зимой для неё, как известно, привычным является совсем другое агрегатное состояние, для человека в быту малопригодное. За этим тоже нужно постоянно следить и учитывать во всех хозяйских делах. Действия, простые и привычные летом, неприятно быстро и бесповоротно становятся просто неразрешимыми зимой без предварительных манипуляций, к которым нужно привыкать. И невнимательность к мелочам мгновенно и очень больно бьёт тебя по голове. Забывчивость и неаккуратность выходят боком сразу же… И рукой махнуть на эти обстоятельства не получится – нарушение логической цепочки непременно отразится на «самочувствии» всего домашнего и дворового хозяйства. Летом многие мелочи и недоработки «проглатываются» и забываются. Но только не зимой…

Трудно даже представить при дневном свете, а за давностью лет документальных свидетельств и объяснений не сохранилось, какая нелёгкая заставила моих родителей отправить меня в деревню зимой. Должно было произойти что-

то грандиозное и необычайное, чтобы эта поездка (назовём это бросание в прорубь «поездкой») состоялась. Было это так давно, что многие детали забылись окончательно, размылись до состояния былины и народных сказаний, но основное впечатление торчит в памяти, как осиновый кол в груди вурдалака – только сильные духом люди без генетической предрасположенности способны принять такую реальность и спокойно в ней существовать. У меня такая предрасположенность была минимальной (но – была!), поэтому я и смог сохранить какие-то светлые моменты из этого тяжкого испытания.

Современные городские молодые люди однозначно не продержались бы в той русской «деревне зимнего периода». И не просто «зимнего», но ещё и советского периода! Не только месяц, что выпал мне, но и… хотел сказать неделю… Сразу понял всю нереальность (скажу точнее – сказочность) срока и ограничусь двумя днями. А были времена с лихолетьями и пострашнее, беспросветнее… Одни рассказы очевидцев и участников событий способны вызвать судороги с конвульсиями у современных изнеженных отроков. Не буду пугать бабушкиными преданиями об их собственном жизненном пути…

Тут одного рассказа не хватит и романы можно писать, не останавливаясь, один за другим всю оставшуюся жизнь. Попробую передать свои «зарисовки» собственной, повторяю, ограниченной зимовки. Без предвзятости, нагнетания

страстей, но с солидной долей оптимизма, без которого было просто не выжить и не обозлиться на весь белый свет.

Человеческая память обладает удивительной способностью сохранять для своей персоны – носителя только то, что реально помогает воспринимать прошлое с практической позиции. Чем больше проходит времени, чем туманнее становится твоё прошлое, тем в твоей голове значительнее процент составляют «полезные» воспоминания, которые несут созидательное начало. В каждом неприятном эпизоде твоего прошлого вычленяется смысловое зерно и передаётся твоему сознанию из года в год. И эта кристаллизация с течением времени становится только явственней. Бог знает, что там пережил на самом деле в свои условные семь лет, но к сорока ты чётко знаешь (в тебе это заложено с детства «автоматом»), что зимой входную дверь лучше плотно закрывать и, желательно, на ключ. Может быть, в ту давнюю ночь замело всю избу, и ты получил от бабушки кочергой по голове, но сегодня ты знаешь, что так делать не хорошо. Наверное, такая особенность памяти имеет свои изъяны, но для формирования опыта, несомненно, полезна и удобна. С одной стороны, ты упускаешь некоторые звенья логической цепочки события, зато, с другого бока, у тебя имеется «железный» навык, который вполне самостоятелен без подробного объяснения своего происхождения.

Почему-то воспоминаний о ночном откапывании газового баллона и колупании намертво заиндевелого замка не оста-

лось, а моментов коротания бесконечных вечеров у горячей печки с душистым мятным чаем – сколько угодно. Я не могу вспомнить пронизывающий ветер на крыше, когда сорвало лист кровли, и его надо было вернуть на место, но чудесная парилка бани сразу встаёт перед глазами со всеми приятными деталями. Но было-то всё! По какому принципу происходит «редактирование» уже вошедших данных? Почему и, главное, зачем неприятные моменты затираются или облагораживаются непонятным образом? Или такая избирательная процедура свойственна только детскому сознанию?

Фигня какая-то получается!? Ты многое не можешь вспомнить! Что наложило на твой характер такие глубокие отпечатки? Самому ясно, что было какое-то событие, но ты его не можешь воспроизвести… Оно важное, глубокое, на нём основаны твои конкретные поступки, сконструирована модель поведения всей последующей жизни, а ты его не можешь вспомнить! Почему оно вычеркнуто? Почему не доступно сегодняшнему анализу? Мозги явно «созрели» для доскональной обработки тех событий, а-а-а-а-а… разводишь руками в полнейшей тишине и недоумении… «Препарировать» нечего… Вырисовывается нестыковка причинно – следственной связи… Я себя отношу к той категории людей, которые понимают, что из ничего получается только ничего и нужно нечто вещественное (и -) или осмысленное, чтобы появилась единица сущего (в виде дела (и -) или в виде слова). Мучительно думать, что конкретная вещь

или идея образовались из пустоты! Так точно не бывает, но твоя память не оставила даже намёка на конкретный побудительный мотив из твоего детства… Как заполнить эту пустоту!? Попытки домыслить или откровенно придумать «заполнитель» моментально бракуются и нещадно отбрасываются внутренним цензором. Его ещё называют совестью… Не очень-то уютно жить с выдуманным прошлым, «нарисованным» по лекалам настоящего.

В результате всех твоих мозговых штурмов и попыток вспомнить, выходит, что твоё детство – череда сплошных приятных событий… Но не могли они одни сделать из твоего характера, то, что он представляет собой сегодня! Значит, были и другие факторы… Иначе ты бы не знал, что в нашей жизни не всё достаётся легко и просто. Где-то нужно побороться, где-то сообразить нетривиально, а что-то и обойти сторонкой… Печально, что очевидцы тех давнишних моментов твоего становления, как индивидуума, уходят безвозвратно… Не с кем экстренно «проконсультироваться» и «освежить в памяти» на досуге… Как теперь ты кусаешь локотки, а уже поздно – у тебя было время подумать! Профукал…

С какой целью до сегодняшнего дня дожил «файл» под названием «Я принимаю участие в приготовлении самогона в качестве подмастерья и малолетнего дегустатора» известно только одному Богу. Честное слово, для этого я не прилагал никаких усилий! К какой категории отнести сей факт?

Однозначно, ничего полезного, кроме первичных навыков конспирации, мне он не принёс… Хотя, не скрою, но этого момента я, без преувеличения, ждал с самого рождения целых семь лет. Пришла зима, меня привезли в деревню, скукотища страшная, излишек свободного времени, все дороги замело многометровыми сугробами – всё совпало, и моя мечта сбылась… Что конкретно я ожидал – большая загадка. Но этот неласковый день отложился в памяти капитально, через все годы я пронёс его с высоко поднятой головой. Почему-то… Настолько сильным было впечатление от увиденной процедуры, наверное. Буду считать, что когда-нибудь это знание скажется на мне самым благотворным образом в будущем. Не припомню, чтобы я пропустил… или… нет-нет, не помню! Я говорю о благотворном образе в привязке к самогону, если кто-то запутался в идентификации понятий «хорошо – плохо»…

Чем прекрасно самогоноварение? Не в плане социального явления, а в качестве семейного досуга? Если самогон сам по себе зло, и мы всячески это зло осуждаем и бескомпромиссно боремся с ним, то нельзя не заметить, что весь процесс от первоначального сбора исходных компонентов до непосредственного потребления готового продукта представляет собой замечательную интерактивную программу по сплачиванию родственников в дружную команду единомышленников. Самогоноварение зимой имеет свою специфику, поскольку приходится довольствоваться продукта-

ми, запасёнными с осени, что несколько снижает высоту полёта фантазии «кулинара». Как известно, самогонка, как и стакан – продукт многогранный…

Летом можно разгуляться и шарашить пойло из самых неожиданных «комплектующих». Зима же вносит свои коррективы… Но и тут есть место для маленьких радостей для авторов будущего бестселлера. Это время года имеет одно немаловажное положительное свойство – конфиденциальность. Кропотливая работа самогонщика не терпит суеты и стрессового ожидания незваных визитёров. Зимой, хочешь – не хочешь, но ты задолго слышишь приближающихся гостей! Либо по хрусту снега под ногами, либо по мату идущих колхозников или милиционеров, в зависимости от проходимости тропинки. В любом случае, к избе невозможно подкрасться незамеченным и застать хозяев врасплох в самый неподходящий момент.

Перегонка браги в самогон отлично помогает скоротать время и к деревенской зиме подходит замечательно. Они созданы друг для друга! С учётом известных неудобств, разумеется. Тем более что мы гнали для собственного потребления, а не на продажу. Погоня была за качеством и некоторая скованность в исходных продуктах была не критической. Для меня же, вообще, интересно было само действо – как конкурент со стаканом я был нулевой. Как закладывается во флягу ингредиенты для брожения, как брага подходит, как собирается аппарат, как готовая жидкость капает в бан-

ку, как синим пламенем горит самогонка в ложке (контроль качества продукта на выходе осуществляется не только прямым воздействием на пищевод!) – всё интересно московскому школьнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.